

WACŁAW HRYNIEWICZ OMI

Lublin

„ХРИСТОСЪ ПОБЪДИ” ГИМН МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА В ЧЕСТЬ ХРИСТА

Произведения Илариона, первого киевского митрополита „Русина”, называемые сводно „Словом о законе и благодати”, без всякого преувеличения можно назвать ценнейшей жемчужиной древнерусской литературы, её выдающимся памятником и самым оригинальным достижением. В истории древней Руси произведения Илариона стали главным источником творческого вдохновения церковного проповедничества и церковной молитвы. Эта образцовая значимость „Слова” вытекала как из его глубокого богословского содержания, так и мастерства художественной формы, необычности композиции и богатства языка.

Получённые до сих пор результаты исследования литературного наследия Илариона показывают, что мы имеем дело с несколькими отдельными произведениями¹. Так называемое „Слово” составляет их основную часть, которую можно однозначно определить и выделить².

¹ „Слово” как единое целое – согласно содержанию заголовка последней редакции – возникло путём соединения четырёх первоначально самостоятельных частей. Это были: 1) Собственное „Слово о законе и благодати” (пасхальная речь); 2) „Пророчества” или состав ветхозаветных высказываний о всеобщности домостройства спасения; 3) „Похвала кагану нашему Влодимеру” и 4) „Молитва к Богу от всея земли наша”. См. L. Müller. *Die Werke des Metropoliten Ilarion*. München 1971 с. 11-16; А. М. Молдован. „«Слово о законе и благодати» Илариона” Киев 1984 с. 11-14. Последний автор указывает позднейшее происхождение вставки „Пророчества”, которая содержит ряд библейских цитат, раньше выступающих в тексте „Слова”. В свою очередь, „Молитва” ясно отличается своим покаянным характером от радостного тона предшествующих частей. См. тоже Н. Н. Розов. „Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в.” „Slavia” 32:1963 с. 141-152, особенно с. 144-149. В синодальном списке сочинений помещены также два Вероисповедания (Никео-Цареградский Символ веры и его толкование, написанное Иларионом по поводу рукоположения в епископы) и Послесловие с автобиографической подписью.

² Однородный замысел „Слова” проявился, по всей вероятности, в его последней редакции. „Слово” сохранилось в 52-х списках и отрывках. Полная редакция представлена в рукописи бывшей Московской Синодальной библиотеки N. 591, к. XV в. См. Розов.

Внимания заслуживает гипотеза, согласно которой „Слово” было произнесено Иларионом как торжественная праздничная, пасхальная речь. На это указывают многие пасхальные мотивы, которые будут рассмотрены ниже. Н. Н. Розов предполагает, что это пасхальное слово было произнесено в первый день Пасхи — 26 марта 1049 г., которая тогда приходилась сразу после праздника Благовещения³. По мнению Розова, в состав этой речи вошёл весь текст „Слова”, кроме „Молитвы”, которая имеет явно покаянный характер. Кажется, что объём собственно пасхальной речи значительно уже. Текст предшествующий „Похвале” св. князю Владимиру намного длиннее, чем она. Трудно себе представить, чтобы он был только вступлением к похвальной части. Л. Мюллер представил несколько убедительных аргументов, говорящих о том, что текст предполагаемого пасхального слова можно ограничить выводами Илариона о законе и благодати (168 а — 183 а). Затем следует свод ветхозаветных „Пророчеств” о всеобщности Божьего дела спасения (со слов: „И събытсья о нас...”; 183 а — 184 б), и лишь потом начинается „Похвала” („Хвалить же...”, 184 б — 195 а)⁴. Поскольку пасхальная речь о законе и благодати могла быть произнесена в день Пасхи 1049 г., то наиболее соответствующей датой произнесения „Похвалы” могла быть 35 годовщина кончины св. Владимира (ум. 1015), приходящаяся на 15 июля 1050 г.

Слова Илариона содержат в себе много пасхальных мотивов, связанных с тайной смерти и воскресения Христа. Эти мотивы придают тоже своеобразную окраску видению Иларионом крещения Руси. „Слово” как единое целое имеет характер богословского рассуждения, центральной темой которого является призыв всех народов к благодати спасения, рассматриваемой сквозь призму великого исторического события, каким было крещение Киевской Руси.

Многие фрагменты „Слова” отличаются необыкновенным лиризмом, певучестью и мелодичностью. Соответственно подобранные цитаты из Псалмов увеличивают этот лиризм своим призывом к воспеванию и прославлению Бога (см. 183 б, 184 а).

Цит. раб. с. 152-175 (полный текст рукописи: лл. 168 а — 203 а); Молдован. Цит. раб. с. 78-100 (лл. 168 а — 195 а, без „Молитвы” и „Вероисповедания”); Т. А. Сумников а. „Произведения Илариона” В кн.: Академия Наук СССР. Институт Философии. „Идейно-философское наследие Илариона Киевского” Часть первая. Москва 1986 с. 13-41 (полный текст рукописи) и с. 101-172 (фотокопия текстов). В настоящей статье цитируется только соответствующие лл. синодального списка.

³ Розов. Цит. раб. с. 147-148.

⁴ Мюллер. Цит. раб. с. 11-16.

Иларион мастерски изображает картину борьбы двух вер и победу христианства над язычеством. Он увеличивает количество антитез, выражая их равно с помощью аористов, как и прошедшего несовершенного времени, с характерными им оттенками значения.

Тогда начатъ мракъ идольскій отъ насъ отъходити, и зорѣ благовѣрна явишася. Тогда тма бѣсослуганна погыбе, и слово евангельское землю нашу осна. Капища разрушаахуся и церкви поставляахуся; идоли съкрушаахуся и иконы святыхъ являахуся; бѣси пробѣгааху, крѣст грады свѣщааше. Пастуси словесныхъ овецъ христовъ, епископи, сташа прѣдъ святымъ олтаремъ, жертву бескверннѣную възносяще. Попове и диакони, и весь клиросъ украсиша и въ лѣпоту одѣша святыхъ церкви. Апостольская труба и евангельскы громъ вси грады огласи. [...] Монастырѣве на горахъ сташа, черноризци явишася (186 б – 187 а).

Так из образа торжествующего христианства постепенно выделяются отдельные группы людей, бывших свидетелями этого события: епископы, священники, диаконы, весь клир, черноризцы. В этой великой литургии, сконцентрированной вокруг „жертвы бескверной” принимают тоже участие „все люди”: „мужи и жены, и малии и велиции” (187 а). Сей то народ наполняет святые храмы, в которых слышно „евангельскы гром” и где благоухает „темиан Богу въспущаемъ” (187 а). Все те, которые стали „причастниками Христу” (175 б) через крещение, соединены ныне в единой всесоборной службе Божьей – литургии новой жизни, которую принесла с собой новая вера.

Именно в этом месте „Похвалы” князю Владимиру Иларион вкладывает в уста всего народа слова гимна в честь победоносного Царя-Христа. Это гимн всех новокрещённых. „Мужи и жены, и малии и велиции, все люди, исполнеше святыхъ церкви въславиша глаголюще”:

Единъ святъ,
единъ Господь,
Исусъ Христосъ
въ славу Богу
Отцю. Аминь
Христосъ побѣди,
Христосъ одолѣ,
Христосъ въц[еса]рися,
Христосъ прославися!
Великъ еси, Господи,
и чудна дѣла Твоа!
Боже нашъ, слава Тебѣ!

На возвышенный славословный характер этого текста обратил внимание несколько лет тому назад Р. Якобсон⁵. Он указал на мастерски составленную композицию гимна как сжатой целостности, созданной по всем правилам арифметической регрессии и прогрессии. С одной стороны каждая строфа гимна короче предыдущей на один стих (5-4-3) и на два слога (28-26-24), с другой же стороны количество слогов постепенно возрастает в соответствующих стихах (5-6-6-5-6, 6-6-7-7, 8-8-8), а следовательно и длина строк. Повторяющиеся изосиллабические строки постепенно удлиняются и придают исполняемой хвалебной молитве интенсивности и ритмичности.

Слова первой строфы происходят из евхаристической анафоры Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста. Поёт её хор по возвышении святого хлеба непосредственно после возгласа служащего: „Τὰ Ἁγία τοῖς Ἁγίοις” — „Святая святымъ”

Первообразом второй строфы могли быть или некоторые формулы богослужения Восточной Церкви или же средневековая латинская аккламация, появившаяся на Западе в т. н. *Laudes Gallicanae*⁶: „Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat!”

Славословие последней строфы происходит из Пс. 138, 14 а также из прибавленной в последнем стихе аккламации: „Боже нашъ, слава Тебѣ!”, повторяемой часто в восточном богослужении.

Гимн „всех людей” в честь Христа и победы новой веры на Руси представляет собой особо интересное явление. Он отображает взаимную открытость литургических традиций Востока и Запада. Показывает возможность их взаимного проникновения. В этом случае он был бы проявлением сознания ещё не разделённой Церкви. Черта эта придаёт ему особый экуменический характер. Гимн тесно соединён с тем, что ему предшествует и что за ним следует. Как правильно заметил Якобсон, „Гимн занимает центральное место в Слове и явно служит переходным, связующим звеном между предшествующей, повествовательной частью похвалы Владимиру-Василию, и всеми дальнейшими, ярко драматическими тирадами”⁷. Это может служить доказательством невозможности его позднейшего включения в „Слово”⁸. Ничто не указывает на то, что он имеет характер прибав-

⁵ R. J a k o b s o n. „Гимн в «Слове» Илариона «о законе и благодати»” В кн.: *The Religious World of Russian Culture. Russia and Orthodoxy*. Vol. II. Essays in Honor of Georges Florovsky. The Hague—Paris 1975 с. 9-21.

⁶ См. Е. Н. К а н т о г о в и ц з. *Laudes regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship*. Berkeley—Los Angeles 1958.

⁷ J a k o b s o n. Цит. раб. с. 16.

⁸ См. там же с. 21.

ления, как предполагает Л. Мюллер⁹, по отношению к словам: „Христосъ побѣди...“

Вторая строфа, говорящая о победе, царствовании и славе Христа, вызывает много трудностей, пока ещё не решённых. Не найдено аналогичной по христоцентризму аккламации в литургии и гимнографии Восточной Церкви. Это совсем не исключает возможности её возникновения под влиянием некоторых текстов византийской литургии. „Слово“ Илариона начинается возгласом: „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ Христіанескъ, яко посѣти и сътвори избавленіе людемъ своимъ“ (168 а, см. Лк 1, 68): В этих словах звучит радостный призыв к прославлению Бога, похожий на возгласы проскомидии: „Благословен Богъ нашъ...“ Из текстов проскомидии мог Иларион позаимствовать выражения (в аористе) о прославлении и воцарении Христа:

„Десница Твоя, Господи, прославися въ крепости...“¹⁰

„Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса...“¹¹

Эти последние слова появляются сразу после благословения кадила и после молитвы:

„Кадило Тебѣ приносимъ, Христе Боже нашъ, въ воню благоуханія духовнаго...“¹²

Это очень важная подробность в наших рассуждениях. Иларион тоже приводит гимн о Христе вскоре после слов: „теміан Богу въспущаемъ въздух освяти“ (187а).

Христологическая направленность многих молитв проскомидии кажется подтверждает нашу интерпретацию. Гимн Илариона есть тоже „въ воспоминаніе Господа, и Бога, и Спаса нашего Іисуса Христа“¹³, „волею бо благоволилъ еси плотію взыти на крестъ, да избавиши, яже создалъ еси, отъ работы вражія“¹⁴.

Христу принадлежит всякая слава, он упование наше: „Слава Тебѣ, Христе Боже, упованіе наше, слава Тебѣ“¹⁵. Основанием этой надежды

⁹ Müller. Цит. раб. с. 85 прим. 14.

¹⁰ Исх. 15, 6. См. „Служебник“ Москва 1977 с. 75.

¹¹ Пс. 92, 1. См. „Служебник“ с. 89. В молитве предложения „Боже, Боже нашъ...“ появляется похожая формула: „Яко святися и прославися пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына, и Святаго Духа...“ (там же с. 91).

¹² „Служебник“ с. 88.

¹³ Там же с. 79.

¹⁴ Там же с. 72.

¹⁵ Там же с. 92.

– Его Воскресение: „Воскресый изъ мертвыхъ, Христось истинный Бог нашъ [...] помилует и спасетъ насъ, яко благъ и челоувѣколюбець”¹⁶.

Приведенные выше констатации, рассматриваемые в христологическом контексте богослужебных молитв, указывают возможный источник вдохновения слов: „Христось въцесарися, Христось прославися” в Иларионовом гимне. Они не объясняют однако, что могло стать вдохновением слов: „Христось побѣди, Христось одолѣ” На первый взгляд, ответ должен находиться в надписи на просфоре, из которой во время проскомидии вынимается святой хлеб, называемый „Агнцом”; просфора эта омечена печатью со словами: „ΙC ΧC ΗΙ ΚΑ” – „Иисус Христос побеждает” Согласно общепринятому толкованию, эта печать изображает огненный крест, который, как говорит предание, увидел Константин Великий на небе перед решающей битвой (312 г.), с надписью: „In hoc signo vinces” (В этом знамени победишь). К сожалению нам неизвестно никакое историческое свидетельство, которое подтверждало бы время первого употребления печати со словами: „ΙC ΧC ΗΙ ΚΑ” на означение Агнца. Уже язычники выдавливали на хлебе печать с символами и надписями. Сохранилась и христианская печать из IV – V вв. с символом „XP”, но мы не знаем, употреблялась ли она только при изготовлении просфор или также при испечении повседневного хлеба. В следующих веках на просфорах ставили разные печати. Обычно, с VII в. эта печать имела форму креста¹⁷. Что касается византийской литургии, первые упоминания о такой печати встречаются начиная лишь с XI века¹⁸.

Эти факты могли быть источником инспирации для слов Илариона в его гимне: „Христось побѣди, Христось одолѣ”, но сами по себе они не дают ещё полной уверенности в этом. То же самое надо сказать о таких аккламациях как „Троица побеждает” (*τριάς νικά*), „Побеждает вера в Троицу” (*νικά ἡ πίστις τῆς τριάδος*), „Побеждай, Господи” (*Κβριε νικά*). Эти аккламации часто встречаются в творениях греческих отцов Церкви, в надписях и в византийской литургии¹⁹. Не исключено, что они также могли в какой-то степени стать источником вдохновения Илариона.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. C. K u s h a g e k. *The Byzantine-Slav Liturgy of St. John Chrysostom. Its Origin and Evolution*. Allendale, N.J. 1971 с. 266; K. O n a s c h. *Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichworten unter Berücksichtigung der Alten Kirche*. Leipzig 1981 с. 334.

¹⁸ Дело касается м. пр. патриарха цареградского Николая III Грамматика. См. K u s h a g e k. Цит. раб. с. 266 прим. 20; H. J. S c h u l z. *Die byzantinische Liturgie. Glaubenszeugnis und Symbolgestalt*. 2 Aufl. Trier 1980 с. 162.

¹⁹ См. G. W. H. L a m p e. *A Patristic Greek Lexicon*. 5th Ed. Oxford 1978 с. 913-914.

Выдвинутая выше гипотеза о возможных источниках инспирации, происходящих из самой восточной традиции не является, однако, столь очевидной и однозначной, чтобы исключала она всякую способность Киевского проповедника открыться на возможные влияние аккламации „*Christus vincit*” Такая открытость свидетельствовала бы о его способности объединять традиции в одно целое, способности столь характерной для ещё не разделённой Церкви. Кажется, что одна возможность совсем не исключает другой. Обе интерпретации могут взаимно дополняться. Иларион мог использовать латинскую формулу как уже известную на Руси. Мог также сам её видоизменить, соприкоснувшись тем или иным образом с её переводом или с самим латинским текстом, широко распространённым на Западе Европы в средние века.

Исследования показывают, что триадологичная формула „*Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat*” могла образоваться уже в VIII в., как радостная литургическая аккламация в честь Христа как Бога-Победителя, Царя и Владыки. Повторяется она, как доминирующий припев в ектении *Laudes regiae*, исполняемой первоначально скорее всего по случаю венчания на царство, а затем, особенно во Франции, во время таких церковных праздников, как Рождество Христово, Пасха, Пятидесятница или иные великие торжества²⁰. Впрочем, христологическая аккламация могла найти, особенно в других странах, более широкое распространение и популярность, чем самые торжественные *Laudes regiae*. По всей вероятности, она была известна также в Чехии и в Польше.

Древнепольская литургия была глубоко укоренена в Западной Европе. Первым епископом города Познаня был Иордан, происходящий, по всей вероятности, или из южных или западных окраин Германской империи, или из Ломбардии. Именно он принёс в Польшу галльскую литургию, хотя не в её первоначальной форме, но уже вместе с римскими влияниями. В свете исследований историков и литургистов, уже в X веке богослужение в познанском кафедральном соборе было богато и торжественно²¹. Минувшие столетия борьбы с арианством способствовали представлению Христа прежде всего как сияющего славой Царя, Судьи и Вседержителя. Древнепольская литургия, благодаря своим связям с галльским обрядом, явственно подчёркивала божественное достоинство Христа-Царя и красоту Его Евангелия²².

²⁰ См. K a n t o g o w i c z. Цит. раб. с. 21, 54 сл. 100.

²¹ См. P. S z c z a n i e c k i. *Stużba Boża w dawnej Polsce. Studia o Mszy świętej*. Seria II. Poznań 1966 с. 22, 26.

²² Там же с. 23, 26, 29.

В этом контексте гипотеза о проникновении аккламации „Christus vincit” в Польшу имеет действительные основания. Польские князья хорошо знали церемониал императорского двора, что тем более способствовало подражанию²³. Звучная латинская аккламация в честь Христа-Победителя могла оттуда проникнуть также и на Русь, прежде всего через дворы вельмож и духовенство. Известно, например, что при дворе польского короля Болеслава Храброго (ум. 1025) был русский священник. Через некоторое время побывал в Киеве и Турове епископ поморский Рейберн из города Колобжега. В качестве капеллана он сопровождал неизвестную нам по имени дочь Болеслава Храброго, выданную замуж за князя Святополка, старшего сына св. Владимира²⁴.

Члены польских и русских господствующих династий роднились часто благодаря заключаемым бракам (это относится, главным образом, к династии Пястов и Рюриковичей). С этим было связано взаимное проникновение обычаев, обрядов, взглядов и языковых форм. Польско-русские церковные отношения и связи характеризовались уважением и толерантностью ещё долгое время после даты официального разделения между Востоком и Западом (1054 г.)²⁵.

Сознание одной неразделённой Церкви сохранилось почти до конца XII века. Свидетельствуют об этом прежде всего династические смешанные браки²⁶. Члены господствующей династии получали обыкновенно блестящее образование. Так, например, король Мешко II (1025-1034) кроме латинского языка знал также и греческий. Дети Мешка II и Рихезы Лотарингской, прежде всего Казимир (позднейший король Казимир Обновитель) и Гертруда отличались не только умением писать, но также знанием латыни и богословия. Княжна Гертруда стала в 1043 г. женой Изяслава-Димитра Ярославовича, князя туровского и новгородского, а с 1054 г. великого князя киевского. Надо подчеркнуть, что первые годы пребывания Гертруды на Руси совпадают с годами, предшествующими созданию „Слова о законе и благодати” Илариона киевского. Можно предположить, что именно благодаря Гертруде, он мог непосредственно познакомиться с латинской аккламацией в честь Христа, Царя и Победителя (она же могла

²³ Там же с. 26.

²⁴ Заключен в тюрьму по поводу политических взглядов, скончался не позднее 1018 г.

²⁵ См. F. Sielicki. *Polsko-ruskie stosunki wyznaniowe w XI i XII wieku*. В кн.: R. Ł u ż n y (ред.). *Dzielo chrystianizacji Rusi Kijowskiej i jego konsekwencje w kulturze Europy*. Lublin 1988 с. 35-49.

²⁶ В период предшествующий созданию „Слова” Илариона надо упомянуть о ещё одной родовой связи: Добронегга, дочь св. Владимира, была женой польского короля Казимира I Обновителя (1039-1058).

сама знать христологическую формулу, между прочим благодаря своей матери, Рихезе из Лотарингии). Гертруда является автором латинского сборника молитв („Молитвенник”)²⁷ В этих молитвах часто вспоминает она страсти Христовы, Его крестную смерть и воскресение²⁸. Однако мы не найдём в них выразительной формулы, похожей на интересующую нас латинскую аккламацию. Этот факт не противоречит ещё нашей гипотезе — тем более, что молитвы Гертруды имеют личный и по преимуществу покаянный характер.

Эта гипотеза кажется более достоверной, чем предположение Л. Мюллера, что будущий митрополит киевский услышал *Laudes regiae* на королевском дворе во Франции, когда он был в составе посольства в связи с замужеством дочери Ярослава Мудрого Анны с королём Генрихом I (19 V 1051)²⁹.

Французский историк Владимир Водоф признаёт гипотезу Мюллера увлекательной, но сразу обращает внимание на хронологическую трудность. По его мнению, „Слово о законе и благодати” написано в 1049-1050 гг., а княжна Анна и Генрих I сочетались браком, согласно критическим исследованиям источников, лишь в 1051 г. Тот же автор выдвинул поэтому другую интересную гипотезу, считая её более вероятной: литургическая формула „*Christus vincit*” проникла в Киев через епископа Готье (Gautier) из Мо (Meaux), который приехал туда со свитой за невестой для французского короля. Водоф обращает также внимание на контакты между духовными центрами Киева и Чехо-Морав, особенно славянского монастыря в Сазаве³⁰.

Принимая в о з м о ж н о с т ь влияния западной традиции, необходимо особо подчеркнуть, что и в этом случае Иларион не позаимствовал латинскую литургическую аккламацию буквально. Видоизменил её, расширил и придал ей форму совершенного вида (аорист), как этого требовало

²⁷ См. W. M e y s z t o w i c z. *Manuscriptum Gertrudae filiae Mesconis II regis Poloniae*. „Antemurale” 2:1955 с. 105-157.

²⁸ См. там же молитвы нр. 30, 31, 41, 43, 60, 72, 74, 88.

²⁹ M u l l e r. Цит. раб. с. 85. Говоря об отношениях между Киевской Русью и западными странами, он ссылается на исследование: Th. E d i g e r. *Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie*. Halle 1911. Против гипотезы Мюллера высказался: F. J. T h o m s o n. *Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia*. „Slavica Gandensia” 10:1983 с. 75 прим. 21. А. М. Молдован, А. И. Юрченко („«Слово о законе и благодати» Илариона и «Большой Апологетик» патриарха Никифора” В кн.: „Герменевтика древнерусской литературы” Сборник I: „XI – XVI века” Москва 1989 с. 6-7) относят христологическую формулу „*Christus vincit*” к числу „беспорных западных источников”

³⁰ См. V. V o d o f f. *Naissance de la chrétienté russe*. Paris 1988 с. 325.

описание победы христианства над идольским многобожеством. „И слово евангельское землю нащу осиа” (187а). Это великое вековое событие было в глазах киевского проповедника тождественно с победой над демонами („бѣси пробѣгаху”) и освящающей силой победоносного Христа („крѣсть грады священше” – 187 а).

Латинское „vincit” передано как „побѣди” и „одолю”, а „regnat” и „imregat” посредством „въцарися” Всё венчает „Христось прославися”, явственно подводящее к заключительной доксологии. Прославление Христа посредством всех людей, „малиих и великих” выражает признание Его власти и царствования.

Христологический гимн, помещённый Иларионом в „Слове” является кульминационным моментом воспоминания о крещении Руси. Труд земного владыки, св. Владимира, Христолюбца, становится величанием Владыки-Царя небесного, воскресшего Господа и Человеколюбца. Через служение и „благовѣриа подвигъ” (186 а) человека, „Христось побѣди” во всей земле русской. Гимн – это песнь новокрещённых людей, прославляющих победоносное царствование Христа. Это Он сам включил верующих в круг великого и всеобъемлющего славословия, возносящегося „въ славу Богу Отцу”

Иларион отдаёт себе отчёт в том, что христианство укоренилось ещё не совсем прочно. Верующие всё ещё есть „мало стадо” (195 б). Поэтому он умоляет благого Бога охранять его перед великими бедствиями, „да не отпадутъ отъ вѣры нетвердии вѣрою” (198 б). Новокрещённым, всё ещё похожим на „новокупления раби, въ всемь не угодающе Господу своему” (195 б), угрожала опасность неверия и отпадения от веры. Предостережением перед неверностью и отречением от Христа является для Илариона судьба иудейства, которое не узнало своего посещения (сравн. 178 б – 179 б).

В этом контексте понятными становятся слова ревностного исповедания митрополита Киева, появляющиеся в заключительной части его пасхальной речи:

И тако странъни суще, людие Божии нарекохомся, и врази бывше сынове его прозвахомся.

И не иудейскы хулимъ, нѣ христианьскы благословимъ.

Не съвѣта творимъ яко распяти, нѣ яко распятому поклонитися.

Не распинаемъ Спаса, нѣ руки к Нему въздѣваемъ.

Не прободаемъ ребрь, нѣ отъ нихъ приемъ источникъ нетлѣнна. Не тридесати сребра възимаемъ на Немь, нѣ друг друга и весь животь нашъ Тому прѣдаемъ.

Не таимъ възкресенна, нѣ въ всѣхъ домехъ своихъ зовемъ: Христось възкресе изъ мертвыхъ!

Не глаголемь яко украденъ бысть, но яко възнесеса идеже и бѣ.
 Не невѣруемь, въ яко Петръ к Нему глаголемь: Ты еси Христосъ, Сынъ
 Бога живааго;
 съ Фомою: Господь нашъ и Богъ Ты еси;
 съ разбоинникомъ: Помяни ны, Господи, въ Царствии своемъ (1826 –
 1833 а).

Слова эти может повторить также и сегодня каждый верующий с благодарностью за дар веры, крещения, Евхаристии и христианской пасхальной надежды, центром которой является воскресение Христово³¹. Прославляя Воскресшего, митрополит Иларион сумел соединить слова восточной литургии с западной аккламацией. Его откровенность и умение соединить традиции Востока и Запада в новый синтез мышления и благочестия являются также в наши дни побуждением к поискам новых путей примирения и соединения Церквей.

„CHRISTUS ZWYCIĘŻYŁ”
 HYMN METROPOLITY IŁARIONA KU CZCI CHRYSSTUSA

S t r e s z c z e n i e

Pisma metropolity Iłariona, pierwszego Rusina na stolicy kijowskiej (od 1051, a być może nawet od 1044 r.), są niezwykle cennym zabytkiem staroruskiej literatury. Stały się one na długie wieki źródłem inspiracji dla przepowiadania i modlitwy Cerkwi ruskiej. Tzw. „Słowo o zakone i blagodat” składa się w rzeczywistości z kilku pism, którym nadana została jednolita intencja i struktura literacka dopiero przy redakcji końcowej. Autor artykułu skłania się ku hipotezie, iż właściwe „Słowo o Prawie i Łasce” było ogłoszone jako uroczysta homilia paschalna na Wielkanoc, 26 marca 1049 r., która wówczas przypadła tuż po Uroczystości Zwiastowania Pańskiego.

W niniejszym artykule autor skupia uwagę na chrystologicznym fragmencie „Pochwały” Włodzimierza (187 b), ogłoszonej prawdopodobnie w 35 rocznicę śmierci kniazia (zm. 1015), przypadającą 15 lipca 1050 r. Fragment ten, podobny do łacińskiej akلامacji liturgicznej „Christus vincit”, ma charakter wyraźnie hymniczny. Można go nazwać hymnem ochrzczonej Rusi ku czci Chrystusa-Zwycięzcy.

Artykuł ukazuje najpierw możliwe źródła inspiracji tego hymnicznego tekstu w samej liturgii wschodniej. Autor nie wyklucza jednak wpływu tradycji zachodniej. W tym ostatnim przypadku Iłarionowy hymn odzwierciedlałby wzajemną otwartość i przenikanie liturgicznych tradycji Kościoła wschodniego i zachodniego. Byłby świadectwem świadomości Kościoła jeszcze nie podzielonego. Rys ten nadawałby mu charakter wręcz ekumeniczny. Iłarion mógł przejąć formułę łacińską jako znaną już wówczas na Rusi. Mógł ją zmodyfikować, zetknąwszy się z jej wersją łacińską, szeroko rozpowszechnioną w średniowieczu na Zachodzie. Autor artykułu wysuwa hipotezę o przenikaniu akla-

³¹ См. трилогию: В. Н г у н и е в и с з. *Christus, nasza Pascha*. Lublin 1982; тот же. *Nasza Pascha z Chrystusem*. Lublin 1987; тот же. *Pascha Chrystusa w dziejach człowieka i wszechświata*. Lublin 1991.

macji „Christus vincit” do Polski, a stąd do Kijowa dzięki małżeństwom dynastycznym i wzajemnym wpływom kulturowym. Zwraca szczególną uwagę na fakt, iż Gertruda, córka króla polskiego Mieszka II, została w 1043 r. żoną Izjasława – Dymitra Jarosławowicza, księcia Turowa i Nowogrodu, a od 1054 r. wielkiego kniazia kijowskiego. Pierwsze lata pobytu Gertrudy na Rusi zbiegają się z czasem poprzedzającym powstanie pism Ilariona. Niewykluczone, iż właśnie poprzez bezpośredni kontakt z Gertrudą mógł on zetknąć się z łacińską aklamacją ku czci Chrystusa (ona sama z kolei mogła znać tę formułę dzięki swej matce, Rychezie, córce palatyna lotaryńskiego, Ezona, a siostrzeńcy Ottona III).

Powyższa hipoteza wydaje się bardziej prawdopodobna niż przypuszczenie L. Müllera, iż przyszedł metropolita kijowski usłyszał łacińską aklamację na dworze królewskim we Francji jako uczestnik poselstwa, które tam przebywało w związku z małżeństwem córki Jarosława Wielkiego, Anny, z królem Henrykiem I (1051 r.). Hipoteza polskiego autora wydaje się co najmniej równie prawdopodobna jak wysunięta ostatnio sugestia historyka francuskiego V. Vodoffa o przedostaniu się formuły „Christus vincit” do Kijowa za pośrednictwem biskupa Gautier z Meaux, który wraz ze świętą królewską przybył tam po narzeczoną dla swego króla Henryka.

Niezależnie od swego pochodzenia i możliwych źródeł inspiracji chrystologiczny hymn Ilariona jest szczytowym momentem jego przepowiadania o ocaleniu narodu i wszczęciu go w nowe dzieje Ewangelii i łaski. Sławiąc zmartwychwstałego Pana, mógł on jeszcze łączyć teksty liturgii wschodniej ze słowami natchnionymi przez liturgię zachodnią. Wielkie wartości duchowe są własnością całego Kościoła – całego chrześcijaństwa.

Streścił Wacław Hryniewicz OMI